

Смирнов Александр Александрович,

ученый секретарь Государственного Исторического музея

Шевардинский редут глазами взявших его

Изучающим Бородинское сражение сравнительно неплохо известны мнения его участников и современников, а также российских историков о месте и роли Шевардинского редута в системе оборонительных сооружений позиции русских войск. Однако не менее интересны суждения по данному вопросу и тех, кто штурмовал и взял Шевардинский редут или участвовал в Бородинском сражении в рядах Великой армии. Познакомимся и мы с ними.

Обер-шталмейстер двора императора Наполеона I дивизионный генерал А. О. Л. де Коленкур называл Шевардинский редут «главным», «поддерживающим левый фланг неприятеля», «ключом к русской позиции»¹.

В мемуарах главного квартирьера императорского двора бригадного генерала графа Ф. П. де Сегюра читаем: «...Мы заметили первый русский редут, слишком отделенный от своих левых позиций; он их защищал, не пользуясь их прикрытием. Неровности почвы были причиной такого разъединения... редут, бывший их аванпостом, сделался нашим...»².

Существует и иной вариант перевода записок «адъютанта Наполеона», как назвал себя Сегюр: «...Открылся первый русский редут. Слишком выдвинувшийся вперед и отдаленный от левого фланга русских позиций, он защищал их, но сам не был защищен. Условия местности вынудили изолировать его... Этот редут, служивший неприятельским аванпостом, перешел в наши руки»³.

Однако в переводе, подвергшемся стилистической правке, опубликованном московской «Универсальной библиотекой», фразы, начинавшиеся словами «неровности почвы» и «условия местности», отсутствуют⁴. В остальном дословно повторен текст второго приведенного здесь варианта перевода мемуаров Сегюра. Смысл изложенного Сегюром, конечно же, не изменился в различных вариантах перевода, хотя отдельные слова и не совпадают, но это не принципиально.

Штабной полковник Ж. Ж. Ж. Пеле-Клозо из штаба пехоты Великой армии писал: «Русский аррьергард... был поддержан Горчаковым, составлявшим левый фланг неприятельской армии и занимавший дивизию Неверовского... Шевардино и его редут... Полагая, что корпус Горчакова поставлен впереди русской армии..., он (Наполеон. – А. С.) приказал... атаковать неприятеля... Расположение русских... было извращено историками. Бутурлин (о нем ниже. – А. С.) полагает, что Шевардинский редут был возведен «для наблюдения наших движений и замедления наших колонн»... Наблюдает помощью кавалерии, а не редутами... Шевардинское укрепление не замедлило нашего марша... Я всегда думал, что прежде 5-го числа (24 августа по ст. ст. – А. С.) Кутузов установил свою боевую линию на берегах Колочи, упирая левый фланг в леса и ручей у Доронина... С уверенностью можно полагать, что первоначально... Бороздин с 8 корпусом, усиленным дивизией Неверовского, был на левом фланге, должно быть примыкавшем первоначально к Шевардинскому редуту и Доронинскому оврагу. Этот левый фланг, быв потеснен в деле 5-го числа, отошел...»⁵.

А вот мнения еще нескольких офицеров Великой армии, участников Бородинского сражения. «У русских около нашего крайнего правого фланга был редут, расположенный между двумя лесами над деревней Шевардино, его убийственный огонь нес ужас в наши ряды, – писал второй капитан-инженер-географ штаба 4-го армейского корпуса Великой армии Л. Э. Л. де Лабом. – Они устроили его для укрепления левого крыла, являвшегося слабой стороной их укрепленного лагеря...»⁶.

Наполеон приказал «идти на приступ против сильной позиции, которой неприятель... должен был дорожить, так как взятие этого редута открывало его левый фланг», – полагал полковник Ш. П. Л. Грнуа, командующий артиллерией 3-го корпуса резервной кавалерии Великой армии⁷.

Русская армия, по мнению адъютанта командира 4-й пехотной дивизии капитана Ж. М. Ф. Жиро де л'Эна, «5-го сентября (24 августа. – А. С.)... занимала прекрасную позицию, которую еще укрепила линией редутов, снабженных многочисленными артиллерийскими орудиями. Один из этих редутов, который, господствуя над позицией нашей армии, мешал ей развернуться, был захвачен вечером того же дня...»⁸. Понятно, что речь шла о Шевардинском редуте.

«Справа от дороги (Новой Смоленской. – А.С.) возвышался громадный редут, откуда расстреливали все, что к нему ни приближалось...», – таким увидел Шевардинский редут су-лейтенант «малой» квартиры Главного штаба Ж. Р. Куанье⁹. Обращает на себя внимание его утверждение, что огнем с редута обстреливали все приближавшиеся, а не обстреливали войска, двигавшиеся по новой Смоленской дороге, севернее редута, от Колоцкого монастыря к селу Бородину.

«5-го сентября (24 августа. – А. С.)... после долгой и упорной борьбы главный редут, возведенный в Шевардине (Этот редут составлял передовую позицию русской армии) и защищавший фронт армии Багратиона, был... занят...», – вспоминал врач И. Руа¹⁰.

Более авторитетным свидетелем оказался неизвестный полковник Великой армии, который всюду следовал за Наполеоном в день Бородинского сражения, по его собственному признанию. Вот, что он написал в письме, датированном 7-го сентября, из Можайска: «Его (Кутузова. – А. С.) левый фланг упирался в лес и поддерживался редутом, расположенным на возвышенности»¹¹. Место написания письма весьма сомнительно, ибо 7 сентября или 26 августа 1812 г. неприятель еще не мог быть в Можайске и ночь с 26 на 27 августа или с 7 на 8 сентября провел на Бородинском поле. Однако в данном случае важнее не место написания, а оценка места и роли Шевардинского редута.

Шеф эскадрона 1-го шволежерского (польского) полка гвардии барон А. Д. Хлаповский в своих воспоминаниях писал: «5-го сентября (24 августа. – А. С.)... 5-ый корпус взял штурмом большой редут, выстроенный впереди всей позиции в виде большого укрепления»¹². Не будем слишком строги к утверждению автора о том, кто взял редут. Но вполне естественно, что для Хлаповского, как и для других участников сражения, Шевардинский редут являлся к моменту боя за него передовым укреплением на русском левом фланге.

Почти такой же взгляд на Шевардинский редут высказал еще один участник боя за него, полковой старший сержант 2-го кирасирского полка Великой армии О. Тирион: «5-го сент. (24-го авг. ст. ст.), после полудня, мы очутились перед весьма возвышенным редутом, расположенным в виде как бы гигантского передового поста при выходе на равнину»¹³.

Капитан гвардейской конной артиллерии Великой армии маркиз Жорж де Шамбрэ, подвергнув тщательному изучению «русский поход», пришел к выводу, что Шевардинский редут «являлся опорным пунктом левого русского фланга, который мешал французской армии развернуться»¹⁴.

С. Л. Гардые, капитан, старший адъютант 3-го батальона 111-го полка линейной пехоты 5-й пехотной дивизии записал в своем дневнике: «5 сентября (24 августа. – А.С). – ...Наша дивизия получила приказ атаковать первый выдвинутый вперед редут... нашим потерям способствовали огонь из редута...»¹⁵.

Начальник штаба 16-й (польской) пехотной дивизии 5-го армейского корпуса Великой армии штабной полковник польской службы Ян Вейссенхоф назвал в своих записках Шевардинский редут «большим холмом с расположенными на нем орудиями, впереди позиции противника», овладение которым позволило «точно выяснить расположение» русских¹⁶.

Вейссенхофу вторил помощник начальника штаба инженеров того же корпуса капитан К. Ю. Е. Колачковский, участвовавший в бою за Шевардинский редут: «24 августа (5-го сентября)... Видны были только два холма; ближайший был занят окопом (укреплением. – А. С.) и вооружен многочисленной артиллерией... Эта позиция была выдвинута на несколько сот сажен перед фронтом главных сил и предназначалась, по-видимому, для того, чтобы служить центром и принять нашу первую атаку»¹⁷.

Командир гренадерской роты 4-го батальона 18-го полка линейной пехоты 11-й пехотной дивизии 3-го армейского корпуса капитан Г. Боннэ в дневнике, который он вел в 1812 г., записал: «5 (сентября. – А. С.)... дивизия прибыла на покатый склон плато,

развернувшись лицом вправо. Тогда напротив нас противник занимал высоты, отдаленные на лье (2250 м. – А. С.) Перед головой наших колонн находится маленькая речка (Колочь. – Примечание переводчика). 5-я дивизия перешла ее..., затем она... захватила редут (имеется в виду Шевардинский редут. – Примечание переводчика)... 6 (сентября. – А.С.)... левое крыло русских подалось назад... Враги имеют на своем фронте 3 или 4 редута и деревню (имеются в виду Семеновские укрепления, называвшиеся Семеновскими и Багратионовыми флешами, и деревня Семеновское. – Примечание переводчика)»¹⁸.

Из слов Боннэ следует, что 5 сентября (24 августа) неприятель атаковал левый фланг русской позиции, захватив Шевардинский редут, что вынудило «левое крыло русских податься назад» и занять позицию в районе деревни Семеновское, на которой оно и было атаковано 7 сентября (26 августа). Иначе говоря, позиция в районе деревни Семеновское являлась, по мнению Боннэ, второй позицией левого фланга русских в трехдневном Бородинском сражении.

Бригадный генерал барон А. А. де Жомини в 1812 г. был сначала директором исторической секции главного штаба Великой армии, затем губернатором Вильно, а потом – Смоленска. Перейдя с 1813 г. на русскую службу, Жомини описал походы Наполеона, в том числе и поход в Россию. Анализируя военные действия на Бородинском поле, Жомини повествовал: «Армии сошлись 5 сентября (24 августа. – А. С.), неприятель устроил редут перед своим левым флангом, близ деревни Шевардино, чтобы затруднить доступ к этой части его боевой линии, которая была наиболее подвержена нашим ударам... было весьма важно вытеснить его из этого исходящего пункта, чтобы удобнее рекогносцировать и атаковать главную позицию русских»¹⁹. Хотя труд свой Жомини писал, состоя на русской службе, он рассматривал события со стороны Великой армии. Это дало мне право отнести его мнение к мнениям тех, кто сражался против России в 1812 г.

Что до мнения самого Наполеона по поводу места Шевардинского редута, то судить о нем можно по действиям полководца, описанным В. Н. Земцовым. В своей докторской монографии он писал, что «французская сторона расценила редут как передовое укрепление русской позиции, мешавшее развернуть войска и основательно обозреть русские позиции. Только на следующий день (6 сентября по н. с. – А. С.), проведя более полную рекогносцировку русской позиции (после взятия Шевардинского редута. – А. С.) и увидев странный загиб русского правого фланга, Наполеон усомнился в точности своих оценок назначения Шевардинского редута. Но 5 сентября император стремился овладеть редутом как можно быстрее, надеясь во что бы то ни стало занять важный плацдарм для атаки основных русских позиций... Атакуя Шевардинский редут, император вряд ли полагал, что его захватом он спугнет русскую армию... Если бы Наполеон имел возможность понять истинную цель Шевардинского редута (как опоры левого фланга), то он не стал бы атаковать 5-го, дав русским тем самым остаться на прежних позициях, и обрушился бы 6-го или даже 7-го, и полностью разгромил русских»²⁰. Последнее утверждение Владимира Николаевича скорее относится не к истории, а к альтернативистике. Но ведь и русские не ждали бы атаки неприятеля, сложа руки. Они смогли бы завершить сооружение укреплений и тщательнее продумать расположение войск для предстоящего сражения, да и войска не понесли бы потерь 5 сентября. Так что вряд ли результаты сражения 7 августа изменились бы в пользу Наполеона, если бы не произошло боя за Шевардинский редут 5 сентября. Не следует забывать, что решение о «загибе» левого фланга к Семеновским высотам было принято почти за сутки до Шевардинского боя, 23 августа (4 сентября).

Анализируя приведенные суждения, нельзя не согласиться с мнением В. Н. Земцова о том, что участники Бородинского сражения на стороне Великой армии, «как правило, высказывали мнение о том, что Шевардинский редут представлял собой большое передовое укрепление, мешавшее рассмотреть основную русскую позицию и развернуть наполеоновскую армию»²¹.

И все же между всеми этими мнениями нельзя поставить знак равенства, ибо они имеют отличия. Так, Коленкур назвал Шевардинский редут «ключом русской позиции», т. к. его взятие открывало доступ к левому флангу русской позиции у деревни Семеновское. Таково же было и мнение Гриуа.

Сегюр отметил, что Шевардинский редут был так удален от семеновских укреплений левого фланга русских, что оказался вне досягаемости артиллерийского огня с этих укреплений. Сегюр не случайно обратил на это внимание, т. к. данный факт подчеркивал

обособленность Шевардинского редута от системы русских укреплений на момент атаки редута неприятелем. Возможно, Сегюр не знал или не обратил внимания на русское укрепление на четыре орудия в верховьях речки Каменки на опушке Утицкого леса, почти на половине расстояния от Шевардина до Семеновского.

Лабом, Куанье и Гардьё подчеркивали эффективность огня Шевардинского редута по атакующим его, но не по двигающимся по Новой Смоленской дороге войскам, как считали многие российские историки и участники Бородинского сражения.

Колачковский справедливо предполагал, что Шевардинский редут должен был принять «первую атаку» Великой армии на Бородинской позиции. А как же понять рассуждение Колачковского о том, что Шевардинский редут «предназначался служить центром»? Это стало очевидно после развертывания 6 сентября (25 августа) Великой армии для атаки русской позиции. Иначе говоря, именно Шевардинский редут заставил неприятеля так развернуть свои войска, что стал отправной точкой оси их атаки 7 сентября (26 августа). Не случайно возле него располагался и командный пункт Наполеона.

Шамбрэ, Пеле, Боннэ и неизвестный французский полковник считали Шевардинский редут первоначальной позицией левого фланга русских. При этом Пеле критиковал русского историка – современника событий Д. П. Бутурлина, – утверждавшего, что Шевардинский редут был построен, «дабы удобнее было наблюдать движение неприятеля против левого крыла и затруднять наступление его колонн по большой дороге», т. е. Новой Смоленской²². Позднее точку зрения Бутурлина критиковали и такие авторитетные российские военные историки как Б. М. Колюбакин, А. Н. Витмер и др.

Ничего удивительного в том, что большинство офицеров Великой армии считали Шевардинский редут русским передовым укреплением, нет, т. к. части Великой армии атаковали его после принятия М. И. Голенищевым-Кутузовым решения об отводе левого фланга к деревне Семеновское. Это и превратило Шевардинский редут в передовое обособленное укрепление, призванное задержать приближение неприятеля к новой основной позиции левого фланга и дать возможность елико возможно лучше укрепить ее, понимая, что именно она будет подвержена главному натиску неприятеля.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 130-131.

² Сегюр Ф. Поход в Москву в 1812 году. М., 1911. С. 20-21.

³ Сегюр Ф. Поход в Россию. М., 1916. С. 121-122.

⁴ Сегюр Ф. Поход в Россию: Мемуары адъютанта. М., 2002. С. 90.

⁵ Пеле Ж. Извлечение из записок о русской войне 1812 года.// Бородинское сражение. М., 1872. С. 59, 66-68.

⁶ Шевардинский редут.// Французы в России: 1812 г. по воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Ч. I, с. 119.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 140.

⁹ Там же, с. 148.

¹⁰ Руа И. Французы в России: Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России. СПб., 1912. С. 33.

¹¹ Письмо неизвестного полковника. // 1812-ый год в письмах современников. М., 1912. С. 18.

¹² Хлаповский Д. Воспоминания о войне 1812 года.// Вестник иностранной литературы. СПб., 1902. Октябрь, с. 19-20.

¹³ Колюбакин Б. М. 1812-й год: Воспоминания офицера французского кирасирского № 2-го полка о кампании 1812-го года. СПб., 1912. С. 11.

¹⁴ Земцов В. Н. Битва при Москве-реке. М., 1999. С. 9.

¹⁵ Попов А. И. Мемуары о Бородинском сражении.// Воин: Военно-исторический журнал. Самара, № 10, с. 69, 70.

¹⁶ Вейссенхоф Я. Из записки.// Военно-исторический сборник. СПб., 1912. № 2, с. 219.

¹⁷ Колачковский К. Записки о войне 1812 года.// Военно-исторический сборник. СПб., 1911. № 2, с. 34-35.

¹⁸ Васильев А. А. Дневник Боннэ.// Император. М., 2002. № 3.

¹⁹ Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1844. Ч. II, с. 290.

²⁰ Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 299-300, 288, 284-285.

²¹ Там же, с. 284.

²² Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812-м году. СПб., 1837. Ч. I, с. 249-251.

